

В. В. Измайлов

Ростовское озеро

Русская сентиментальная повесть.

М., Издательство Московского университета, 1979

Составление, общая редакция и комментарии П. А. Орлова.

OCR Бычков М. Н.

Ainsi s'eteint tout se qui brille un moment sur la terre

Y. Y. Rousseau {* }

{* Так мгновенно гаснет все яркое на земле. Ж.-Ж. Руссо (*франц.*).}

В один из тех нежных часов, когда шум дня теряется в тишине ночи и животворная прохлада воздуха вливает чувство в самые мрачные души, когда милый бог сердец в веянии весеннего ветерка нашептывает тайну любви всем чувствительным существам, манит их парами на сладострастную мураву и устилает ее миртовыми и маковыми цветами; когда травки и цветочки, ручейки и рощицы, птицы и насекомые, и все, что ни есть в творении, в один тихий голос говорит: "Нежные сердца, любите!" -- в один из тех неизреченно приятных майских часов прогуливался я по берегу Ростовского* озера {Мимоездом прожил я тогда несколько дней в Ростове.} и, так сказать, окружал себя оными улыбающимися картинами счастья, оными сладостными мечтами воображения, которыми любим мы питать себя на заре жизни. Сердце мое, приятно растроганное, билось от томно-радостных восторгов своих, нежно-горестные слезы капали на туманную зелень и сливались с вечернею росой; искры электрического чувства, которое на ту минуту казалось мне потрясающим все три царства природы, летели из моей груди и сверкали в пламенных моих взорах. На каждом шаге встречались мне прекрасные места, романтические убежища блаженства, цветущие берега, которые, может быть, ничто в сравнении с леманскими, прославленными Жаном Жаком Руссо и молодым Верном {Я не имел счастья видеть сцены Верновой поэмы и Руссова романа.}, но на которых осмеливался я поселять новую Юлию, сам быть вторым Сен-Пре* и жить там с нею в тишине уединения посреди слабых существ, почерпнувших жизнь в источнике любви и удовольствия.

Таким, образом, бродил я около часа, будучи углублен в самого себя, как вдруг ясный свет месяца пролился на мрачную поверхность воды и прервал нить моих приятных мыслей. Я поднял глаза на полную луну, которая с высоты лазоревого свода, сквозь черноватый флер ночи, посребряла лучами своими темно-зеленую картину дремлющей природы, поглядел вокруг себя на все ночные предметы, кои образовали нечто подобное безмолвной вечности, поглощающей жизнь человеческую, вздохнул раз, другой, третий, и радостное чувство души моей переменилось вдруг в горестное уныние. Мысль, что все сладчайшие мечты чувствительного сердца могут на одно мгновение превратиться в ушественность и потом в другое -- исчезнуть в хаосе небытия вместе с тем тленным существом, которого воображение их производило,-- сия печальная мысль так живо мне представилась, что я погрузился на несколько минут в глубокую меланхолию, и слезы мои полились ручьями. Уже терялся я умом в неиспытанных судах того, кто располагает жребием человеческим, уже дух мой приобщался к теням ночи и мрака, как вдруг новый предмет обратил на себя мое внимание.

При слабом луче месяца, подле стены Яковлевского монастыря, неподалеку от меня и берега увидел я идущего молодого человека в черном фраке, с потупленным взором, с белым платком в руках. На худом и бледном лице его напечатлены были, казалось, смертельные удары судьбы; из томных глаз, от слез померкших, исходили последние лучи жизни и чувства; тяжелые вздохи, от минуты до минуты из груди его вырывавшиеся, показывали стесненное, болезненное, умирающее сердце. Когда он прошел мимо меня, не видя и не чувствуя ничего, кроме своей горести, когда я разглядел глубокую печаль,